

УДК 398
ББК 82.3(=64)

ЧЕРТЫ ТРИКСТЕРА В ОБРАЗЕ МАЗАН-БАТЫРА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЛМЫЦКОГО ФОЛЬКЛОРА)

© 2019 г. Б.Ю. Сенглеев

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 17 января 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-330-351

Аннотация: В исследовании рассматривается один из аспектов образа Мазан-батыра, популярного героя калмыцкого исторического фольклора и легендарной прозы. В посвященных ему произведениях этот герой устойчиво изображается как достигающий победы благодаря хитроумию и умению ввести врага в заблуждение. Данная особенность рассматривается как проявление качеств трикстера. Предания и легенды о Мазан-батыре сравниваются с трикстерскими мифами. Делается вывод о том, что трикстерское поведение является устойчивой частью метатекстуального образа Мазан-батыра, выделяются основные формы его выражения (поведение персонажей, словесные характеристики, которые дают сказители, и т. п.). Отдельно анализируются наиболее часто встречающиеся уловки, применяемые героем. Определяются их семантика, сходства и отличия, а также выделяются устойчивые мотивы. Указывается на то, что они имеют определенную сюжетно-тематическую привязку. Наконец, отмечается сходство примеров трикстерского поведения Мазан-батыра с эпизодами из различных эпических традиций, в том числе и калмыцкой. Речь идет как о типологической близости, так о совпадении отдельных мотивов (ярче всего проявляется в одной из песен Джангара). На основании этого делается вывод, что черты трикстера могли появиться под влиянием моделей устной героической поэзии.

Ключевые слова: Мазан-батыр, трикстер, предания, легенды, калмыцкий фольклор.

Информация об авторе: Борис Юрьевич Сенглеев — аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: jingnh@bk.ru

Для цитирования: Сенглеев Б.Ю. Черты трикстера в образе Мазан-батыра (на материале калмыцкого фольклора) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 330–351. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-330-351

TRICKSTER TRAITS IN THE FOLKLORE IMAGE OF MAZAN-BATYR

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. B.Yu. Sengleev

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: January 17, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Abstract: This paper focuses on one aspect of the image of Mazan-batyr, a popular hero of Kalmyk folklore. Kalmyk tales represent Mazan as a cunning hero, able to trick his opponent instead of using strength and martial skills. The article examines Mazan as a Trickster and places the structure of legends and tales associated with Mazan-batyr against the context of the Trickster narrative. Mazan's Trickster behavior is part of his meta-textual image; it manifests itself in his own actions, actions of other characters, and verbal descriptions given by storytellers. The tricks that often recur in the stories of Mazan are analyzed separately. The article analyzes these tricks on semantic level, compares them to each other as well as summarizes recurrent motifs. Finally, it draws parallels between the trickster actions of Mazan-batyr and similar episodes from different epic traditions. Attention is paid to typological parallels as well as direct overlaps between stories. The essay argues that the presence of the Trickster traits in folklore portrayal of Mazan-batyr may be explained by the influence of oral heroic poetry.

Keywords: Mazan-batyr, trickster, historical tales, legends, Kalmyk Folklore.

Information about the author: Boris Yu. Sengleev, Postgraduate student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: jingnh@bk.ru

For citation: Sengleev B.Yu. Trickster Traits in the Folklore Image of Mazan-Batyr. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 330–351. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-330-351

Введение

Настоящее исследование посвящено Мазан-батыру — популярному герою калмыцкого исторического и легендарного фольклора. Общая характеристика изображения героя была проведена нами ранее [18, с. 170–181]. В данном исследовании было отмечено, что в посвященных ему преданиях Мазан часто добивается победы не с помощью силы или боевого мастерства, а благодаря хитроумию и способности манипулировать противником. Подобные особенности могут рассматриваться как трикстерские черты. В настоящем исследовании мы ставим задачу подробно рассмотреть эти характеристики, убедиться в том, что они являются трикстерскими, а также попытаться установить, что могло обусловить их появление в его образе.

Термин «трикстер» появляется в научном обороте благодаря исследователям традиционной культуры коренных народов Северной Америки. В частности, первое полноценное рассмотрение этого вопроса было проведено в работе П. Радина «Трикстер. Исследование мифов американских индейцев» («The Trickster: A Study in American Indian Mythology»), увидевшей свет в 1956 г. Радин придерживался эволюционистского подхода, считая образ трикстера отражением ранних форм сознания: одновременно творца и разрушителя, импульсивного, не знающего общественных и моральных норм, но порождающего их своими действиями [2, с. 7–8].

Идеи П. Радина были восприняты К.Г. Юнгом, который сопоставил трикстера с образом древнеримского Меркурия, шаманскими практиками и карнавальской культурой Средних веков. В рамках своей психоаналитической теории он относит Трикстера к разряду архетипов Тени, считая, что в нем отражается первобытное мышление, «забытое» современной цивили-

зацией [20, с. 265–266; 280]. Другой комментатор П. Радина — исследователь классической мифологии К. Кереньи сравнил образ североамериканского трикстера со сходными фигурами из европейской традиции (Гермес, Геракл, Дионис) [8, с. 242–264].

Ключевыми чертами в подходах этих исследователей являлось то, что они рассматривали трикстера как мифологическую универсалию, свойственную архаическим культурам. С определенной долей условности подобный подход можно обозначить как один из двух полюсов в дискурсе изучения образа трикстера.

Второй полюс, в свою очередь, образовался из критики универсалистских и эволюционных концепций. Так, одни исследователи (например, Д. Гринвей) оспаривали представление о трикстере как о пережитке, возражая, что такой образ присутствует в любой культуре. По мнению других исследователей, универсалистские подходы к образу трикстера не учитывали культурную специфику конкретного персонажа (Т.О. Бейдельман, Д. Сабаттучи, Э.Э. Причард и др.) [15, с. 151–152]. В российской науке подобные идеи были озвучены В.Н. Топоровым, который критиковал генерализирующий («экстенсивный») подход, при котором конкретные персонажи, рассмотренные через призму «усредненного трикстера», утрачивают специфические черты и растворяются в наборе общих характеристик. Подобному методу исследователь противопоставил «интенсивный» подход, обращающий особое внимание на периферийные с точки зрения обобщающих концепций черты конкретных персонажей [19, с. 5–6].

Наш подход скорее тяготеет к универсалистскому полюсу. Трикстер рассматривается нами как элемент классификации, абстрактная концепция, а не юнговский архетип или неотъемлемая часть эволюции человеческой культуры.

Большой интерес для целей нашего исследования представляют работы Е.М. Мелетинского, который подробно рассмотрел сюжетную структуру повествований о трикстере на примере палеоазиатских мифов о Вороне [9], и Е.С. Новик, проанализировавшей синтагматику плутовских трюков в международных сказочных сюжетах [12]. Эти исследования важны для нас, поскольку Мазан-батыр не является чисто мифологическим персонажем, и потому многие характеристики подобных персонажей (например, порождение социальных норм) в его образе отсутствуют. Трикстерство

этого героя выражается прежде всего в различных уловках и хитростях, с помощью которых он побеждает своих противников.

Трикстерское поведение Мазан-батыра

Е.М. Мелетинский определяет трикстера как своеобразного «темного двойника» культурного героя. Если последний — непосредственный участник космогонии, который своими действиями создает различные феномены (солнце, огонь, воду и т. п.), то мифологический плут — трикстер — выступает как комичная фигура, движимая гипертрофированными желаниями и готовая ради их удовлетворения преступать любые запреты. Его поступки зачастую также являются пародиями на серьезные свершения культурного героя [9, с. 185–186]. При этом конкретные фольклорные персонажи нередко могут совмещать в себе эти противоречивые аспекты, подобно палеоазиатскому Ворону, который, с одной стороны, может выступать как благодетель человечества (он, например, хитростью добыл солнце у жителей верхнего мира), а с другой — представлять как ненасытный обжора и баламут.

Анализируя повествования об этом герое, Мелетинский выделяет основные звенья типичного сюжета трикстерского мифа: исходная недовольства (например, отсутствие солнца или огня) — отправление героя в путь за благом (звено А) — подвох (звено Б) — непосредственное добывание искомого блага (В), обычно путем отнятия его у исходного владельца — этиологический финал (звено Г), ликвидация исходной неполноценности [9, с. 149–151]. Последний элемент при этом отсутствует в текстах о «чистом» плуте, так как они не затрагивают вопросы космогонического характера.

Конкретизируя звено Б, Мелетинский называет «подвох» характерным элементом мифов о трикстере и определяет его как «плутовской трюк, подготавливающий отчуждение, а тем самым и возможность “извлечения” недостающего объекта» [9, с. 155]. Выделяется несколько разновидностей трюка: превращение в нечто способное добыть объект поисков, выманивание его, а также уничтожение обманом изначального хозяина блага.

Подобное можно обнаружить в группе преданий, повествующих о борьбе Мазан-батыра с богатырем-иноземцем. Необходимость применения хитрости в подобных преданиях связана с тем, что тот, как правило, превосходит героя: является более сильным, обладает неуязвимостью (как

и имманентной, так и в форме непробиваемой брони) и т. п. Обратимся к сюжету одного из них:

Мазан-батыр похищает коней черкесского («шеркш») батыра, и тот бросается в погону. Когда он начинает настигать Мазана, тот разворачивается и скачет навстречу второму батыру, наложив стрелу на тетиву лука и смотря на небо. Озадаченный этим черкес поднимает голову, открывая незащищенную шею (поясняется, что кольчужный воротник был расстегнут из-за жары). Воспользовавшись этим, Мазан убивает его выстрелом в горло, после чего забирает меч побежденного и возвращается домой с табуном [14, с. 183–184].

Как можно заметить, в структуре сюжета настоящего предания могут быть выделены те же самые звенья, что и в мифах. Исходной ситуацией является отсутствие блага (табуна), ради которого Мазану приходится отправиться в чужую землю, где ему удастся одолеть хозяина блага и завладеть им. При этом сама победа достигается за счет того, что герою удастся перехитрить противника.

Подобное, впрочем, наблюдается далеко не во всех текстах. Мазан достаточно часто выступает как защитник собственного имущества, на которое посягает другой батыр [14, с. 158–159; 21, с. 30–34; 17, с. 285]. Однако в них присутствует та же самая уловка (с незначительными вариациями). Подобная ситуация встречается в одном из зафиксированных нами преданий, где отправившийся на охоту Мазан встречает людей, спасающихся от идущего на калмыцкие земли мангытского («манһд») войска Иштг-хана:

Тендэс маңд церг аашна. Тер манһд церг мана халмг һазриг дөөлхэр йовна, — гинэ, — Түүнэс зулж йовнавидн. Маңд цергиг Иштг гидг хан толһа-лад йовна.

(Оттуда приближается мангытское войско. Оно идет на наши калмыцкие земли войной, — говорят. — Поэтому мы бежим. То мангытское войско возглавляет Иштг-хан).

(Записано от А.Х. Удаева, 1956 г.р. (урож. д. Новогутово), преподавателя калмыцкого языка Калмыцкого государственного колледжа нефти и газа Элиста, Республика Калмыкия, 2017. Предание слышал от своего отца Х.Б. Удаева, 1909 г.р. [ПМА]).

В других текстах причина столкновения между Мазан-батыром и его противником может отсутствовать. Так, в одном из записанных нами текстов сообщается лишь то, что герой должен был сразиться с более мангытским батыром, которого не мог победить («диилж чадшго»), после чего повествование сразу переходит к эпизоду уловки. Интересно, что при этом рассказчик охарактеризовал Мазан-батыра следующим образом:

Такой, сообразительный был. Фактически, он не такой уж сильный был, а **очень сообразительный**. Ну и, в то же время, сила, говорят, была... и **ловкостью**

(Записано от Ц.А. Каджиева, 1935 г.р., (урож. пос. Бага-Чоносовка, в прошлом — работник животноводческой фермы пос. Балковский (совр. Бага-Чонос). Элиста, Республика Калмыкия, 2017 [ПМА]).

Подобное определение указывает на то, что трикстерские черты Мазан-батыра осознавались непосредственными носителями традиции.

Наконец, существует вариант предания, представленный в «Историко-этнографических заметках об Эркетеневском улусе» У.Д. Душана. Сюжет о борьбе с иноплеменником в данном тексте сохраняет структуру мифа о добывании, но при этом в нем коренным образом отличается мотивация героя. Мазан отправляется угнать косяк лошадей из табуна черкесского Ишткин-Шора по требованию родителей невесты, чтобы доказать свою удаль. При этом ему они не нужны, и, когда Ишткин-Шор предлагает забрать лошадей без боя, с условием, что Мазан позднее позволит угнать их обратно, герой соглашается. Нарушить слово его побуждают лишь слова жены, догадавшейся о сделке [6, с. 69–70]. Таким образом, предметом конфликта в данном варианте является не «благо», а *героическая репутация*.

Можно констатировать, что, хотя в преданиях о борьбе Мазана с богатырем-иноплеменником иногда встречается классическая структура повествования о трикстере-добытчике, чаще в них присутствует только трикстерская уловка, позволяющая одержать победу. В данной группе преданий она устойчиво реализуется в виде «прицеливания на небо», которое отвлекает внимание противника и позволяет Мазану одолеть его.

Представлены трикстерские мотивы и в группе преданий об участии Мазан-батыра в междоусобных войнах. Обратимся к сюжету одного из таких текстов (записан Номто Очировым в начале XX в.).

Поссорившись с Галдамой, сыном Цецен-хана, Мазан откочевывает на Волгу. Вслед за ним туда отправляются другие знатные люди. Цецен-хан посылает за ними своего брата Аблая и его сына Цагана.

Враждующие стороны сходятся на реке Ахтуба. Поначалу войска Мазана берет верх, но затем внезапно поддается панике и бежит. Герой приказывает бросить все ценное имущество, и войско Аблая принимается подбирать его, в результате чего растягивается «как аркан» («арһмж мед сунад»). Мазан-батыр ведёт своих воинов в контратаку, разбивает вражеские силы, а самого Аблая берет в плен.

После этого в сражение вступает Цаган. Ворвавшись во вражеское войско, он в одиночку одолевает и связывает («авч харад күләд хаяд бэв») лучших людей из стана героя. Мазан сталкивается с ним, но оказывается выбит из седла и обращен в бегство. Цаган ранит его стрелой, когда он бежит по льду Мацыка, после чего герой просит или добить его, или вытащить стрелу («Алхинь — наар шулуһар алыч, аврхинь — эн суман тач авич!»).

Цаган посылает за ним воина, чья мать происходила из семьи подданных Мазана, но тому не хватает силы достать стрелу. Цаган посылает второго воина, Мазан говорит ему, что он недостаточно силен, и просит вместо этого вытащить его на берег («эн мөснэ захд һарһ!», досл. к краю льда), но тот тоже терпит неудачу.

Воины возвращаются к своему предводителю, который осведомляется о состоянии Мазана. Они отвечают, что тот находится при смерти («геснь унжих, элкнь һарч», свисают внутренности, вываливается печень), и Цаган, облачившись в доспехи, едет захватывать героя. Однако, когда он приближается к Мазану, тот пускает в него ту же самую стрелу, которой был ранен, и попадает в горло. Раненый Цаган бежит с поля боя, Мазан же продолжает сражаться [23, с. 49–50].

В основе данного сюжета, по-видимому, находятся события войны между калмыцким ханом Аюкой и хошеутовским Аблай-тайши, которая закончилась поражением и пленением последнего [7, с. 356]. Помимо этого, в

нем сохранилось немало исторических сведений, подробное рассмотрение которых, к сожалению, выходит за рамки настоящего исследования. Важно лишь отметить, что в нем Мазан выступает как полководец, а не просто одинокий герой. Именно в этом качестве он применяет один из двух трикстерских приемов, представленных в данном тексте, — использует добычу, чтобы отвлечь внимание вражеской армии.

Интересно, что похожий тактический прием был известен военному делу монгольских народов еще в XIII в. Его описание сохранилось в записках китайских дипломатов династии Сун, посланных ко двору великого хана Угэдэя:

Иногда, только вступив в бой, они [монголы] прикидываются, что обратились в бегство, обманно оставляют в беде свой обоз и намеренно выбрасывают золото и серебро. Если враг думает, что они действительно разбиты, и не удерживается от того, чтобы преследовать их, он попадает в засаду их конницы и его часто полностью уничтожают [1, с. 49].

Совпадение не является полным: бегство войск Мазана настоящее, а не притворное, а брошенные ценности, наоборот, заставляют вражеское войско прекратить преследование. Тем не менее нельзя исключать, что данное действие все же отразило реалии традиционного военного дела калмыков.

С другой стороны, данное действие также превосходно укладывается в структуру трикстерского приема. В своей статье, посвященной анализу сказочного трюка, Е.С. Новик пишет: «...ядро трюка составляет провокация: все маскировки и симуляции независимо от их тактики призваны побудить антагониста на действия, выгодные самому трикстеру <...>, трикстер учитывает цели антагониста, его способы действовать и использует их в собственных интересах <...>, сам формирует у него такую цель, стремление к которой одновременно обеспечивает ему его собственный успех» [12, с. 149–150]. Это применимо и к маневру Мазан-батыра: он создает ложную цель для противников (добычу), соблазнившись которой они утрачивают тактическое преимущество, что в свою очередь позволяет герою победить их.

Вторая уловка, примененная героем в данном сюжете, заключается в преувеличении тяжести своих ран, которое провоцирует противника приблизиться на расстояние выстрела. В свете этого очень интересно поведе-

ние Цагана, который словно бы опасается обмана. Он посылает второго воина, по-видимому не доверяя первому полностью из-за его происхождения, сомнение звучит в вопросе, который он задает своим воинам: «Минь одна гүүж йовсн Очрин көвүн Мазн яһж арһнь тасрад одв?» («Насколько ослабел Мазан, сын Очира, *только что мчавшийся прочь?*»), наконец, перед тем как ехать захватывать раненого, он зачем-то облачается в броню. Подобная осторожность кажется излишней, учитывая, что Цаган уже побеждал Мазана, но имеет смысл в том случае, если он опасается подвоха.

В данном предании мы вновь встречаемся с мотивом попадания стрелы в горло, однако используемая героем хитрость существенно отличается от «взгляда на небо». В одном случае Мазан стремится заставить врага открыть незащищенное место, в другом — пытается спровоцировать противника на активные действия, симулируя беспомощность.

Подобная уловка имеет свои аналоги в трикстерских мифах. В частности, Мелетинский упоминает сюжеты, в которых Ворон притворяется мертвым или больным, с целью получить доступ к пище [9, с. 159]. В свою очередь Е.С. Новик выделяет трикстерскую стратегию, при которой персонаж подобного типа «преуменьшает в глазах антагониста себя как потенциального противника: маскируется под друга, сообщника, родственника, **больного**, ребенка, **мертвого**» [12, с. 148].

Впрочем, не трудно заметить, что данное предание сильно отличается от мифологического повествования. Основная причина конфликта в нем — не какое-то имущество вроде лошадей, а вопросы политической власти, а Мазан вновь применяет хитрость, чтобы одолеть более сильного противника.

Говоря о других известных нам вариантах предания данной группы, нужно отметить, что уловка с оставлением драгоценностей больше не фигурирует, но встречаются иные примеры симуляции Мазан-батыром беспомощности.

Так, в одном из преданий повествуется о войне между героем и его дядей по материнской линии (*наһи*) по имени Тоол-Мала, которая происходит из-за того, что герой хочет сделать ханом своего прямого родича Агту¹, а дядя — человека из своего рода. Тоол-Мала владеет непробиваемой для

1 Другое имя Аюки-хана.

стрел чугунной кольчугой («*сумн ивтрдго цо көшг*»), и, чтобы одолеть его, Мазан задумывает хитрость. Он посылает к дяде человека с посланием, в котором сообщает, что умирает и хотел бы перед этим кое-что сказать ему. Тоол-Мала поочередно посылает к герою трех своих людей: первый сообщает, что у того покраснела макушка и он утратил дар речи, второй бьет раненого, но тот никак не реагирует. Третьему Мазан позволяет забрать тетиву со своего лука, и лишь после этого Тоол-Мала едет к герою. Он приближается к нему, намотав свою кольчугу на руку и выставив ее вперед, но меры предосторожности опять оказываются бессильны: когда дядя приближается к Мазану на расстояние человеческого голоса («*дун соңсгдх һазрт*»), тот убивает его выстрелом из лука [21, с. 23–25].

В данном сюжете хорошо видна стратегия героя: с каждым посланцем возрастает и степень «беспомощности» Мазана. Сначала это тяжелое ранение, затем — беспомыслие и, наконец, как кульминация, безоружность. Несмотря на это, Тоол-Мала, как и Цаган, колеблется и проявляет осторожность даже по отношению к совершенно беспомощному Мазану.

Известен и вариант предания, где ничего не сообщается о причинах столкновения между героем и его родичем. В нем повествование начинается с того, что лагерь тяжело пострадавшего в предыдущей битве Мазана («*һурвн зун шавта билә гижә келгднә*» — «сказывают, что он получил триста ран») окружают войска его дяди по имени Тольмун². Он требует выдать племянника, но воины героя сообщают ему, что тот находится при смерти. Тольмун идет к Мазану, но, когда подходит к раненому герою, тот неожиданно поднимается и убивает его выстрелом из лука [14, с. 181–182].

Таким образом, можно сделать вывод, что и симуляция слабости характерна прежде всего для преданий о междоусобных войнах (так же как «взгляд в небо» — для повествований о борьбе с богатырем-иноземцем). У противника при этом также присутствует и преимущество, причем в тех же самых формах неуязвимости и большей силы.

Присутствует трикстерское поведение и в легендах о Мазан-батыре. В качестве примера можно обратиться к сюжету о противостоянии героя и владыки загробного мира Эрлик-хана. Ее фабула выглядит следующим образом:

2 Обратите внимание на сходство с именем антагониста из предыдущего предания.

Эрлик-хан посылает своих слуг-шулмусов за жизнью Мазан-батыра. Герой узнает об этом благодаря своему «чувству предвиденья, ясновидца» и ставит кибитку в отдалении от хотона. Там он варит бараний бульон, а когда слышит приближение шулмусов, ложится рядом с котлом и притворяется спящим. Посланцы потустороннего мира заходят в кибитку и, соблазнившись запахом мяса, бросаются к котлу, Мазан опрокидывает его, ошпаривая шулмусов, и те убегают прочь.

Во второй раз Эрлик посылает за героем своих лучших слуг. Мазан снова удаляется от хотона, надевает теплый тулуп, ложится в траве, кладет под руку мучную пышку и зажимает между ягодичек пучок травы. Из-за этого шулмусы, найдя его, решают, что кто-то опередил их (так как герой не мог умереть от голода или замерзнуть), причем достаточно давно («тело проросло травой»), и уходят, не тронув Мазана.

В третий раз Эрлик посылает за Мазаном грозового дракона Лу. Его герой побеждает в отрывистой схватке. Во время нее Лу падает на землю, теряет дающий ему силы амулет-мирд и оказывается совершенно беспомощен. Мазан щадит дракона и даже помогает ему взлететь в небо, но перед этим берет с Лу клятву не вредить поданным Мазана (в данном контексте родовой группе шар меркит) и в качестве напоминания оставляет на его теле метку ударом кнута [2, с. 81–84].

Легко заметить, что данная легенда близка к мифологическому повествованию. Мазан взаимодействует с различными сверхъестественными существами, наделен ясновиденьем, наконец, она имеет этиологический финал. Несмотря на это, синтагматика трикстерского мифа в ее сюжете не соблюдается — уловками и хитростями герой лишь защищает собственную жизнь, а «блага» (защиту от молний), наоборот, добывает богатырскими умениями.

Несмотря на это, в данной легенде содержатся еще два примера трикстерского поведения героя. Речь идет об уловках, с помощью которых Мазан-батыру удается избавиться от шулмусов.

Первая уловка на уровне структуры близка к тому маневру, с помощью которого было побеждено войско Аблая. Мазан опять формирует ложную цель (вкусную еду), отвлекшись на которую его враги сами позволяют одолеть их. Вторую хитрость же скорее нужно рассматривать как пример

стратегии, при которой «трикстер преуменьшает ценность объекта» [12, с. 148]. Симулируя гибель, Мазан обесценивает собственную жизнь в глазах шулмусов, и те сами оставляют его в покое.

Сюжет настоящей легенды близок сказочному типу АТУ934 («Предсказанная смерть»). В калмыцком фольклоре в подобных сказках на жизнь героя также претендуют посланники Эрлик-хана, которые вселяются в различные предметы, которые должны как-то погубить обреченного на гибель. Спасение приходит со стороны волшебного помощника (часто это — благодарный мертвец, которому сказочный герой до этого оказал какую-то услугу), который позволяет ему узнать об этих планах и дает инструкции, как противостоять шулмасам и Лу (см., например: [22, с. 103–107]). Известны также легенды, повествующие об обретении меркитами защиты от молний и имеющие сходный сюжет. В них говорится о том, что человека в пути пытается убить Лу, но терпит неудачу и низвергается на землю. Герой помогает ему взлететь, в обмен на обещание не вредить его роду [6, с. 53–54; 10, с. 218–221]. В данных сюжетах не фигурируют ни Мазан-батыр (по крайней мере он не называется по имени), ни Эрлик, а также отсутствуют эпизоды противодействия шулмасам.

Ни в сказках, ни в других легендах не встречаются примеры трикстерского поведения. Обреченный сказочный герой лишь пассивно исполняет инструкции своего благодетеля, а герои легенд не сталкиваются с уловками. Мазан-батыр же сам узнает о намерениях шулмусов и сам изобретает способы перехитрить их. Вполне очевидно, что это — еще одно доказательство устойчивости трикстерских черт в образе героя.

Связь с эпической традицией

Убедившись в том, что фольклорному образу Мазан-батыра свойственны черты трикстера, кажется уместным задуматься над тем, что именно могло способствовать их появлению. Нам представляется, что причиной этого могло стать влияние моделей эпического творчества. В предыдущем исследовании нами уже затрагивался вопрос влияния героической поэзии на произведения цикла о Мазан-батыре, а в этой работе мы рассмотрим лишь те проявления, которые имеют отношение к трикстерству.

В типологическом отношении образ героя, который выходит из затруднительных положений благодаря своему хитроумию, достаточно часто

встречается в мировом эпосе.

Пожалуй, самым известным героем подобного типа является гомеровский Одиссей, «муж, преисполненный козней различных и мудрых советов» [3, с. 42], придумавший знаменитого Троянского коня и перехитривший циклопа-людоеда. Иной типологический пример можно увидеть в действиях героя нартского эпоса кавказских народов по имени Сосурук. Стремясь добыть огонь, он хитростью заставляет враждебного своему народу великана заморозить самого себя в озере и наносит обездвиженному смертельный удар [11, с. 370–371]. Близкий преданиям о Мазане эпизод встречается в былинах об Алеше Поповиче и Тугарине, где герой упрекает противника в том, что тот, в нарушение уговора биться один на один, привел с собой целое войско. Услышав это, Тугарин оборачивается, и Алеша отрубает ему голову [5, с. 206].

Известно трикстерское поведение и калмыцкой эпической традиции. Одним из его проявлений является устойчивый мотив смены облика богатырями Джангара, которые, прибыв в чужую землю, придают себе и своим коням облик подчеркнуто далекий от богатырского. Так, например, Хонгор прибыв в страну Цаган Зула-хана:

Оцл көк һалзнан
Хуухта көк дааһ кеһэд,
Эврэ бийнь
Ораһаснь маажхнь

Медлительного Кеке Галзана
В захудалого жеребенка-двушлетку превратил,
Себя же он
В мальчика плешивого превратил [4, с. 40; 226].

Помимо типологического сходства можно также говорить и о прямой связи между одним из сюжетов о Мазан-батыре и одной из песен Джангара, где рассказывается о том, как прекраснейший Мингъян захватил в плен могучего Кюрмен-хана. В данном повествовании герой сам демонстрирует трикстерские качества: изменяет облик (причем не только делается неказистым в чужой стране, но и превращается в змею, чтобы проникнуть в ханский дворец, минуя стражу), похищает у вражеского хана волшебный

талисман, делающий его непобедимым, и нападает на противника, когда тот спит. При этом ему оказывает помощь девушка-богатырка, которая предупреждает его об обереге Кюрмена, усыпляет сторожащих сон вражеского хана барса и медведя, а также сама забирает и отдает Мингъяну ханский амулет, обратившись в паука, а также, пока герой сражается с Кюрменом, сдерживает дворцовую стражу [4, с. 111–114; 298–301]. Мингъян прямо называется «находчивым» («*арһта*») в контексте его способности выходить из затруднительных ситуаций [4, с. 107, 294].

Наиболее важным для нас, однако, является столкновение с могучим богатырем Барс Мергеном, который преследует героев на обратном пути в страну Джангара. Увидев его, девушка просит Мингъяна:

Хоолын хойр товч
Тээлгсн болха, мана болх;
Эс тээлсн болхла,
Манд йир арһ уга.

Дайте стрелы и синий лук величиной с дверь.
Если будут расстегнуты
Две пуговицы на его шее, одолеем его.
Если же не расстегнуты будут,
Никак его нам не одолеть! [4, с. 115; 301–302]

Из-за сильной жары Барс Мерген действительно расстегнул свои доспехи, и потому девушке удается убить его метким выстрелом, при этом стрела отрезает вражескому богатырю голову.

Вполне очевидно, что предания о борьбе с богатырем-иноземцем и эпическое сказание в данном случае оперируют идентичным набором мотивов: превосходящий в силе враг, жаркая погода, незащищенная шея (расстегнутые пуговицы) и выстрел в горло. Важным отличием является лишь практически полное отсутствие уловки. Если герой преданий добивается нужного ему результата, спровоцировав противника, то героиня эпоса скорее полагается на удачу.

Необходимо также добавить, что в данном случае нельзя исключать и возможность того, что сюжет героической песни подвергся влиянию исторического фольклора. Указанием на это может являться имя враждебного

хана — Кюрмен (Курмн) которое, по мнению некоторых исследователей, могло произойти от «*хармин хан*» (т. е. крымский хан) [13, с. 87]. Исторический Мазан-батыр при этом принимал участие в походах на Крымское ханство, что также нашло свое отражение в фольклоре. К примеру, в одних преданиях крымский хан посылает своего батыра похитить скот Мазана [14, с. 180–181], а в других — сын героя, Яман, попадает в рабство к богачу из этого ханства [23, с. 51–51].

Помимо сюжетных совпадений, сходство с эпосом можно увидеть в контексте применения трюков на тематическом уровне. Мазан использует уловки исключительно в контексте конфликта, в исторических преданиях — в личных поединках и военных столкновениях, в легендах — противодействуя сверхъестественным существам. При этом уловки «оправдываются» превосходством противника Мазана.

Показательно также, что противник Мазана практически всегда является в той или иной степени чужаком (нечеловек, представитель другой этнической группы, соперник в борьбе за власть из другого улуса). Эта особенность отличает героя от чистого трикстера, для которого свойственно асоциальное поведение и нарушение социальных норм [9, с. 185], но сближает его с героями эпоса, которые часто противостоят мифологическим чудовищам и враждебным чужеземцам.

Заключение

Подводя итоги, следует признать, что черты трикстера являются устойчивой частью метатекстуального образа Мазан-батыра. В некоторых преданиях о нем полностью сохраняется структура мифологических сюжетов о добывании благ, но перенесенная на фон «современного» мира («наши дни» противоположные временам первотворения). Значительно чаще, однако, трикстерство проявляется в виде различных приемов и уловок, с помощью которых герой берет вверх над различными противниками. Они сохраняются даже в тех случаях, когда остальные сюжетные элементы (вроде мотивировки конфликта) значительно редуцируются или даже вовсе отсутствуют.

Хитроумие героя выражается как на текстуальном уровне (в виде характеристик и эпитетов), так и в сюжетном плане, где противники Мазана тщетно пытаются предпринять меры предосторожности, чтобы не пасть

жертвами его уловок. В отдельных случаях подобные качества, по-видимому, могут даже изменять устойчивые сюжеты (например, сказочные), добавляя в них изначально несвойственные эпизоды трикстерского поведения.

Уловки героя имеют достаточно устойчивую привязку к сюжетно-тематическим категориям, по крайней мере в преданиях. Имитация стрельбы в небо с целью отвлечь противника преобладает в повествованиях о борьбе с богатырем-иноземцем, в то время как симуляция смертельного ранения появляется именно в сюжетах о междоусобных войнах. В обеих группах сюжетов также встречается мотив наличия у противника преимущества над Мазан-батыром — в виде неуязвимости (личной, непробиваемого доспеха или просто брони) или преимущества в силе. Уловки в таком контексте как бы представляют ответ героя на подобные свойства.

Трикстерское поведение Мазан-батыра имеет типологические параллели как в мировой эпической традиции, так и в калмыцком эпосе. При этом как минимум в одном случае имеет место совпадение устойчивых мотивов одного из популярных сюжетов об этом герое и сюжетом песни о богатыре Джангара Мингъяне. При этом последний сам является героем, в образе которого обильно представлены различные трикстерские характеристики.

Сходство с эпосом подчеркивает то, что антагонистом героя всегда выступает чужак, в историческом контексте — иноплеменник или соперник в борьбе за власть, в легендарном — мифологические существа вроде шулмусов. Уловки Мазана никогда не обращены против «своих», что указывает на то, что его аспект «защитника» или даже «чемпиона» калмыков превалирует над трикстерством.

Сведения об информантах

1. Арвг Харланович Удаев. Калмык, баһ чонос. 1953 г.р. Место рождения: Новосибирская область, Барабинский район, дер. Новогутово.
2. Церен Арашаевич Каджиев. Калмык, баһ чонос. 1935 г.р. Место рождения: Калмыцкая АССР, пос. Бага-Чоносовска (совр. пос. Бага-Чонос).

Список литературы

- 1 «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев; ИНИОН РАН. М.: Наука, 2016. 254 с.
- 2 *Васькин С.* Легенда о Мазан Баатре // Теегин герл. 1997. № 8 (ноябрь-декабрь). С. 81–84.
- 3 Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича., изд. подгот. А.И. Зайцев. СПб.: Наука, 2008. 572 с.
- 4 Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост., подгот. текстов и словарь Н.Ц. Биткеева и Э.Б. Овалова; пер. Н.Ц. Биткеева, Э.Б. Овалова, Ц.К. Корсункиева, А.В. Кудиярова, Н.Б. Сангаджиевой. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1990. 475 с.
- 5 Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. 447 с.
- 6 *Душан У.Д.* Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести № 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 31–107.
- 7 История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. 848 с.
- 8 *Кереньи К.* Трикстер и Древнегреческая мифология // Трикстер. Исследование мифов северо-американских индейцев. С комментариями К.Г. Юнга и К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 242–264.
- 9 *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1979. 232 с.
- 10 Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. статья, примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой, Т.А. Михалевой. М.: Наука, Восточная литература, 2017. 368 с.
- 11 Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост.: Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т.М. Хаджиевой; отв. ред. А.И. Алиева. М.: Восточная литература, 1994. 656 с.
- 12 *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского / сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1993. С. 139–152.
- 13 *Очир-Гаряев В.Э.* Миграции монгольских племен по данным топонимии // Гуманитарный вектор. 2010. № 3. С. 84–91.

- 14 Памятники фольклора монгольских народов: в 10 т. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2015. Т. IV: Легенды и предания / гл. ред. Н.Ц. Биткеев. 652 с.
- 15 *Платицына Т.В.* Архетип трикстера в зарубежных исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 10. С. 151–154.
- 16 *Радин П.* Трикстер. Исследование мифов северно-американских индейцев. С комментариями К.Г. Юнга и К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
- 17 Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д.Э. Басаева. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2004. 414 с.
- 18 *Сенглеев Б.Ю.* Мазан-батыр — эпический герой в калмыцком фольклоре // Традиционная культура. 2017. № 4 (68). С. 170–181.
- 19 *Топоров В.Н.* Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX — начало XX вв.: сб. статей. Новосибирск: СО АН СССР, ИИФиФ, 1987. С. 5–23.
- 20 *Юнг К.Г.* О психологии образа Трикстера // Трикстер. Исследование мифов северно-американских индейцев. С комментариями К.Г. Юнга и К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 265–286.
- 21 «Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня» («Хранитель мудрости народной Ш.В. Боктаев») / сост., вступ. ст., приложение Б.Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- 22 Алтн зүн-темн. Туульс / Лижин Эрнжэн бичж авсн туульс. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1995. 120 с.
- 23 *Очиров Н.О.* Мөңк дееж (Живая старина) / сост., вступ. ст., коммент. Б.А. Бичеева. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2006. 398 с.

References

- 1 “*Khei da shi liue*”: *istochnik po istorii mongolov XIII v.* [“Khei da shi liue”: 13th century source of Mongolian history)], ed. by A.Sh. Kadyrbaev; INION RAN. Moscow, Nauka Publ., 2016. 254 p. (In Russ.)
- 2 Vas’kin S. *Legenda o Mazan Baatre* [Legend of Mazan-Batyr]. *Teegin gerl* [Light in the Steppe], 1997, no 8, pp. 81–84. (In Russ.)
- 3 *Iliada* [The Iliad], transl. by N.I. Gnedich, edition prepared by A.I. Zaitsev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 572 p. (In Russ.)
- 4 *Dzhangar. Kalmytskii geroicheskii epos* [Jangar. Kalmyk heroic epic], comp., w.p., dict. by N.Ts. Bitkeev, E.B. Ovalov; transl. by N.Ts. Bitkeev, E.B. Ovalov, Ts.K. Korsunkiev, A.V. Kudiiarov, N.B. Sangadzhieva. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1990. 475 p. (In Russ.)
- 5 *Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich], ed. by Iu.I. Smirnov and V.G. Smolitskii. Moscow, Nauka Publ., 1974. 447 p. (In Russ.)
- 6 Dushan U.D. *Istoriko-etnograficheskie zametki ob Erketenevskom uluse Kalmytskoi ASSR* [Historical and ethnographic notes about Erketen Ulus of Kalmyk Republic], *Etnograficheskie vesti* N° 3 [Ethnography news no 3]. Elista, KNIYALI Publ., 1973, pp. 31–107. (In Russ.)
- 7 *Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen i do nashikh dnei: v 3 t.* [History of Kalmykia from the ancient times to the present day: in 3 vols.]. Elista, Gerel Publ., 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- 8 Keren’i K. *Trikster i Drevnegrecheskaia mifologiya* [The Trickster in relation to Greek mythology], *Trikster. Issledovanie mifov severno-amerikanskikh indeitsev. S kommentariiami K.G. Iunga i K. Keren’i* [Trickster. A Study in American indigenous mythology. With comments by Karl Kerenyi and C.G. Jung]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1999, pp. 242–264. (In Russ.)
- 9 Meletinskii E.M. *Paleoaziatskii mifologicheskii epos. Tsikl Vorona* [Paleo-Asiatic-mythological epic: The Raven cycle]. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1979. 232 p. (In Russ.)
- 10 *Mify, legendy i predaniia kalmykov* [Kalmyk myths, legends and historical tales], w.p., transl., prolusion, comm., notes, dict., revision of Kalmyk texts and index by T.G. Basangova, T.A. Mikhaleva. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura Publ., 2017. 368 p. (In Russ.)
- 11 *Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev* [Narts. Heroic epic of Balkar and Karachay people], comp. by R.A.-K. Ortabaeva, T.M. Khadzhieva, A.Z. Kholae; prolusion, comments and glossary by T.M. Khadzhieva. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura Publ., 1994. 656 p. (In Russ.)
- 12 Novik E.P. *Struktura skazochnogo triuka* [Structure of a fairy-tale trick]. *Ot mifa k literature: Sb. v chest’ 75-letiiia E.M. Meletinskogo* [From myth to literature: Collection of

- articles in honor of the 75th birthday of E.M. Meletinsky], eds. S.Iu. Nekliudov, E.P. Novik. Moscow, RSUH Publ., 1993, pp. 139–152. (In Russ.)
- 13 Ochir-Gariaev V.E. Migratsii mongol'skikh plemen po dannym toponimii [Migration of Mongolic tribes according to toponymic evidence], *Gumanitarnyi vector*, 2010, no 3, pp. 84–91. (In Russ.)
- 14 *Pamiatniki fol'klora mongol'skikh narodov: v 10 t.* [Folkloric heritage of Mongolic people: in 10 vols.], ed. by N.Ts. Bitkeev. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature Publ., 2015. Vol. IV: *Legendy i predaniia* [Legends and historical tales]. 652 p. (In Russ.)
- 15 Platitsyna T.V. Arkhetip trikster a v zarubezhnykh issledovaniiaxh [Trickster archetype in foreign studies]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 1, pp. 151–154. (In Russ.)
- 16 Radin P. *Trikster. Issledovanie mifov severno-amerikanskikh indeitsev. S kommentariiami K.G. Iunga i K. Keren'i* [Trickster. A Study in American indigenous mythology. With comments by Karl Kerényi and C.G. Jung]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1999. 288 p. (In Russ.)
- 17 *Sem' zvezd: Kalmytskie legendy i predaniia* [The seven stars: Legends and historical tales of Kalmyk people], comp., transl., prolusion, comm. by D.E. Basaev. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 414 p. (In Russ.)
- 18 Sengelev B.Iu. Mazan-batyr — epicheskii geroi v kalmytskom fol'klоре [Mazan-Batyr as an epic hero of Kalmyk folklore], *Traditsionnaia kul'tura*, 2017, no 4 (68), pp. 170–181. (In Russ.)
- 19 Toporov V.N. Obraz trikster a v eniseiskoi traditsii [The figure of Trickster in Yenisei tradition], *Traditsionnye verovaniia i byt narodov Sibiri XIX — nachalo XX vv.: sb. statei.* [Traditional beliefs and ways of life of Siberian people in the 19th — early 20th centuries]. Novosibirsk, SO AN SSSR, IIFiF Publ., 1987, pp. 5–23. (In Russ.)
- 20 Iung K.G. O psikhologii obraza Trikster a [On the psychology of Trickster image]. *Trikster. Issledovanie mifov severno-amerikanskikh indeitsev. S kommentariiami K.G. Iunga i K. Keren'i* [A Study in American indigenous mythology. With comments by Karl Kerényi and C.G. Jung]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1999, pp. 265–286. (In Russ.)
- 21 “*Altın cheeжәтә kelmrч Boktan Shania*” (“Khranitel' mudrosti narodnoi Sh.V. Boktaev”) [“Keeper of the national wisdom Sh.V. Boktaev], comp., prolusion, addendum by B.B. Mandzhieva. Elista, KIHS Publ., 2010. 172 p. (In Russ.)
- 22 *Altın zryn-temn. Tuuls* [The Golden Neelde: Folk Tales], recorded and comp. by L. Erenzhenov. Elista, Khal'mg degtr harhach Publ., 1995. 120 p. (In Kalmyk)
- 23 Ochirov N.O. *Мөңк deeж (Zhivaia starina)* [Eternal tribute (the living old time)], comp., prolusion, comm. by B.A. Bicheev. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2006. 398 p. (In Russ.)